

ЛИНА МАЛЫШ,

доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Национального университета «Киево-Могилянская академия» (04070, Киев, ул. Волошская, 8/5)

LINA MALYSH,

Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor at Department of Sociology, National University of "Kyiv Mohyla Academy" (8/5, Voloska St., Kyiv, 04070)

malysh.lina@ukma.edu.ua

<https://orcid.org/0000-0003-3155-3209>

Три поколения украинцев в стратификационных иерархиях: сравнительная перспектива

Социальные изменения, превращая общество в естественную социологическую лабораторию, провоцируют активную исследовательскую рефлексию относительно их причин, особенностей протекания и последствий. Ведущим направлением подобных исследований является изучение жизненных путей представителей разных поколений, разворачивающихся в различных социокультурных контекстах. Отражение в стратификационных профилях индивидов трансформаций, вызванных образованием, развитием, а позже — распадом СССР, также неоднократно попадало в фокус внимания ученых.

Одно из первых обстоятельных исследований позиций представителей разных поколений в стратифицированном пространстве принадлежит Фридриху Филиппову [Филиппов, 1989]. На выявление подвижности молодежи был нацелен сравнительный научный проект «Пути поколения», реализованный под руководством Микка Титмы. Со временем его данные послужили одним из источников информации еще одного масштабного исследования — «Межпоколенческая социальная мобильность от XX века до XXI: четыре генерации российской истории» [Семенова, Черныш, Ваньке, 2017]. Новое поколение «Миллениалов» (поколение Y) описано Вадимом Радаевым [Радаев, 2019].

Отдельное направление исследований представляют попытки выделения поколений как определенных общностей, представленные в работах Виктории Семеновой [Семенова, 2001; Семенова, 2003] и Юрия Левады [Левада, 2001]. Изменения в ценностных ориентациях населения после распада СССР также получили отражение в эмпирических исследованиях [Магун, Руднев, 2012; Магун, Энговатов, 2004].

Цитирование: Малыш, Л. (2021). Три поколения украинцев в стратификационных иерархиях: сравнительная перспектива. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 21–36. <https://doi.org/10.15407/sociology2021.03.021>

Довольно значительный отрезок времени, прошедшего с момента обретения Украиной независимости, позволяет составить социальный портрет нового поколения ее жителей, чья жизнь протекает уже в постсоветскую эпоху. Понимание ценностей, представлений о настоящем и будущем ровесников государственности требует выявления их позиций в стратифицированном пространстве, измерение которых предполагает решение четырех главных методологических задач: корректного выбора эмпирических данных об их основных характеристиках; поиска категорий, в сопоставлении с которыми будут выясняться особенности целевой категории; возможности фиксации многомерного характера неравенств; учета специфики взаимосвязей между отдельными формами этих неравенств в различные моменты времени.

Цель предложенного в данной статье методологического подхода, исходя из приведенных выше соображений, — выявить, какие именно и насколько глубокие социоструктурные трансформации произошли за последние тридцать лет.

Данные и переменные

Выяснение позиций индивидов в пространстве неравенств и прослеживание их темпоральных изменений потребовали привлечения широкой базы данных, которая не только охватывала бы значительный период времени, но и включала ряд повторяющихся в разных волнах опросов индикаторов, способных зафиксировать место индивида в основных структурных иерархиях. Этим требованиям удовлетворяли массивы социологического мониторинга «Украинское общество» Института социологии НАНУ, из которых, в соответствии с целью исследования, были отобраны реализованные в 1995–1997 и 2018–2020 годах.

Важной частью проектирования сравнительного исследования, наряду с формированием перечня используемых в нем переменных и разработкой алгоритма работы с полученными данными, был корректный выбор единиц анализа. В первую очередь была выделена категория ровесников независимости, которую в контексте дальнейших сравнений определили как «детей». Поскольку соответствующая подвыборка сформирована из массивов вторичных данных, для увеличения ее объема в нее включили индивидов не только 1991 года рождения, но также 1990 и 1992 годов из волн мониторинговых опросов за 2018–2020 годы. Таким образом, когорты детей состояла из молодежи в возрасте от 26 до 30 лет, взросление которой пришлось на период после распада СССР ($N = 354$).

Определение поколенческих изменений в социальных позициях осуществлялось при сравнении когорты детей с категорией лиц 1965–1967 годов рождения («родителей»), которые потенциально могли бы иметь собственных детей 1990–1992 годов рождения, находясь в то время в 23–27-летнем возрасте. При этом характеристики родителей фиксировались в двух временных промежутках: 1995–1997 — когда представители когорты родителей достигли 28–32 лет («родители I», $N = 316$); 2018–2020 — когда им исполнилось 51–55 лет («родители II», $N = 248$). С целью более полной реализации эвристического потенциала сравнительного исследования дополнительно была выделена еще одна подвыборка, в которую вошли те, кто в 1995–1997 годах был в возрасте 51–55 лет, то есть лица 1942–1944 годов рождения («прародители», $N = 265$).

Перечисленные возрастные категории в целом соответствовали поколениям, зафиксированным в проведенных на постсоветском пространстве эмпирических исследованиях: прауродители — доперестроечная генерация, родители — ранне-переходная, дети — постсоветская [Семенова, 2001; Семенова, 2003]. Представители каждой когорты имели особые условия формирования и выстраивания жизненного пути, что, в свою очередь, неизбежно отражалось на позиции в пространстве неравенств. В комплексном описании использованы три разновидности дизайна исследования: трендовый, кросс-секционный и когортный. Комбинация указанных типов исследовательских дизайнов, проиллюстрированная на рисунке 1, обеспечивала целостное описание позиций представителей разных поколений в социальном пространстве, включая их временное измерение и специфику в конкретный отрезок времени.

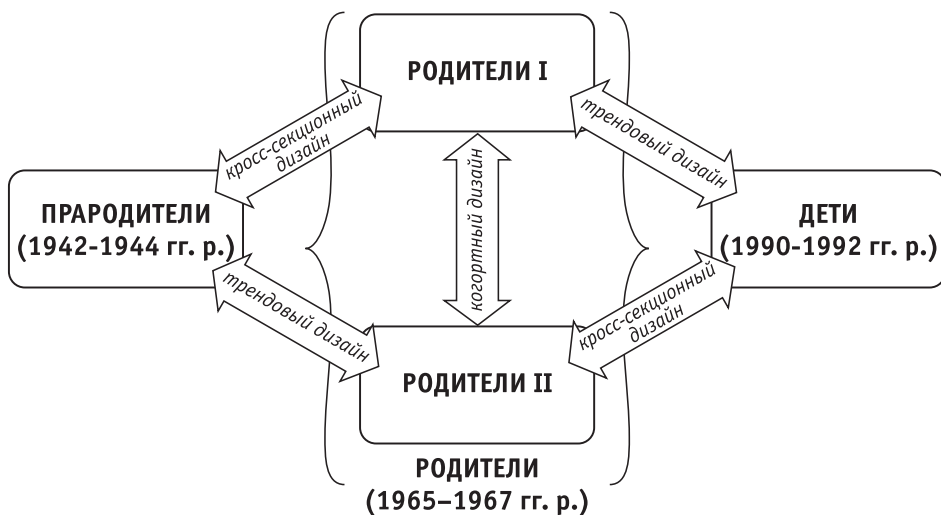

Рис. 1. Общая схема описания социальных позиций представителей разных поколений

Инструментарий исследования структурных изменений украинского социума должен был предполагать учет комплексной природы неравенств. Вместе с тем доступные для анализа массивы данных не предназначались для детального изучения подобных вопросов, что существенно ограничивало перечень используемых переменных. После изучения выводов предыдущих исследований (детальный обзор подходов к измерению стратификации см. в: [Малиш, 2019]) были выделены три основных группы индикаторов места индивида в социальном пространстве, которые использовались в дальнейшем.

Первая группа, направленная на определение *положения респондента в социальном пространстве*, включала перечень переменных, аналогичный используемому Мелвином Л. Коном и его коллегами для измерения социально-стратификационной позиции [Кон, Сломчинський, Шоенбах, 2007]. Эта последняя представляла собой латентную переменную, где размерностями были образование, доход и профессиональный статус индивида.

Образование фиксировалось вопросом: «Какой самый высокий уровень образования вы получили?», — веер ответов на который был обобщен до трех уровней: низкий (неполное и полное среднее), средний (среднее специальное)

и высокий (высшее) образовательные уровни (такое группирование апробировано в: [Малиш, Виноградов, 2010]).

Доходы респондентов определялись вопросом: «Каков размер Вашей заработной платы (стипендии, пенсии) за последний месяц?» Гармонизация значений переменных для разных лет исследования осуществлялась путем разбивки их значений на терцили, которые соответствовали высокому, среднему и низкому уровням дохода.

Профессиональный статус в исследованиях М. Кона измерялся с помощью шкал престижа (национальных и шкалы Треймана), однако этот показатель, как и вопросы, на основе которых можно было бы рассчитать его значение, в массивах данных отсутствовали. Решение этой проблемы состояло в объединении ответов на вопрос: «Назовите, пожалуйста, тип Вашей занятости (работы) в данное время», — по предложенной Еленой Симончук схеме [Симончук, 2018: с. 247] в четыре категории — руководителей, служащих, собственников, рабочих. В дальнейшем они были упорядочены следующим образом: высокий профессиональный статус (руководители), средний (служащие и собственники) и низкий (рабочие). Еще две категории лиц — безработные и экономически неактивное население — рассматривались только в рамках общего описания структуры занятости поколений.

Вторая группа показателей имела целью выявить восприятие *индивидами своей позиции в социальном пространстве*. Ключевым индикатором восприятия индивидами собственного места в системе неравенств был вопрос: «Представьте себе, что на ступеньках некой «лесенки» расположены люди с разным положением в обществе: на самой низкой — те, кто имеет самое низкое положение, а на самой высокой — те, кто имеет самое высокое положение. На какую из этих ступенек вы бы поставили себя?»; веер ответов на него был трансформирован в три альтернативы: низкая позиция (ступеньки 1–2), средняя позиция (ступеньки 3–4) и высокая позиция (ступеньки 5–7).

Дополнительно в анализе была использована самооценка индивидами уровня благосостояния, которая, впрочем, в разные годы опроса определялась по-разному. В массивах 1995–1997 годов и 2020-го это сделано при помощи вопроса: «Оцените, пожалуйста, материальный уровень жизни Вашей семьи», — с 11-балльной шкалой. В 2018–2019 годах респондентов просили: «Определите материальное положение Вашей семьи в целом за последние 2–3 месяца», — предлагая семь альтернатив ответов: от «часто не имеем денег и продуктов — иногда нищенствуем» до «живем в полном достатке».

Для того, чтобы сделать возможным сравнение информации для разных поколений, обе переменные были трансформированы таким образом, чтобы они включали три уровня самооценок благосостояния — низкую, высокую, среднюю, после чего данные были объединены в одной переменной. В частности, для массивов 1995–1997 и 2020 годов низкому уровню благосостояния соответствовали оценки в диапазоне [0; 3], в среднем они варьировали в пределах [4; 5], а в высоком предполагали значения [6; 10]. Для массивов 2018–2019 годов уровень благосостояния считался низким для тех, чьих доходов хватало только на продукты питания, средним — когда их было достаточно в целом на проживание, а высоким — при условии, что имеющиеся доходы покрывают все необходимые затраты, и даже больше.

Третья группа признаков указывала на *легитимность имеющихся стратификационных порядков*, которая операционализировалась как мера удовлетворенности индивидов своей позицией в определенной стратификационной иерархии. Первая переменная фиксировала чувства, обусловленные позицией индивидов в социальном пространстве в целом, а вторая — оценку экономической ситуации в стране, которая опосредованно отражала легитимность системы распределения материальных благ.

Первый вопрос сформулирован так: «В какой мере Вы в целом удовлетворены своим положением в обществе в настоящее время?», где 1 — скорее не удовлетворен, 2 — трудно сказать, удовлетворен или нет, 3 — скорее удовлетворен.

Вторым вопросом был: «Как Вы оцениваете нынешнюю экономическую ситуацию в Украине?», — с 11-балльной шкалой ответов. Ради удобства анализа ее также обобщили до трех альтернатив: низкая оценка, которой соответствовали значения шкалы [0; 3], средняя оценка, которая включала значения [4; 5], и высокая оценка, где диапазон значений составлял [6; 10].

В целом описанный набор из семи признаков позволял описать позиции индивидов в стратифицированном пространстве в измерениях их объективных параметров, субъективного восприятия и признания их легитимности, где каждый из показателей имел три уровня (высокая, средняя и низкая позиция). При этом экономическое неравенство могло рассматриваться сквозь призму всех трех перечисленных измерений.

Опыт изучения социальных изменений свидетельствует, что для этого достаточно сравнить распределения признаков, отражающих позиции, представления и оценки индивидов, находящиеся в фокусе исследовательского внимания. Однако ограничение такого подхода заключается в невозможности учесть взаимосвязи между разными формами неравенств, прежде всего меру согласованности позиций в различных стратификационных иерархиях и ее темпоральную стабильность. Для ее характеристики Герхард Ленски в 1954-м ввел в социологический оборот термин «статусная кристаллизация» (*status crystallization*) [Lanski, 1954].

Обобщая выводы эмпирических исследований статусной кристаллизации, отечественный социолог Анжела Патракова констатировала ее повышение в транзитивных обществах, однако эти результаты не воспроизводились для Украины [Патракова, 2006]. Ныне выяснение меры статусной кристаллизации не утратило своей актуальности. Для ее определения были созданы три типологии.

Первая служила для классификации индивидов по их *обобщенной объективной позиции* в социальном пространстве. Ее структурными элементами были следующие:

- согласованный высокий статус (индивиды, имевшие высокую позицию по крайней мере по двум стратификационным признакам и ни одной низшей позиции);
- согласованный средний статус (индивиды со средней позицией как минимум по двум стратификационным признакам);
- согласованный низкий статус (те, кто занимает самую низкую позицию не менее чем по двум стратификационным признакам и ни одной самой высокой позиции);

– несогласованный статус (категория, к которой отнесены те, кто занимает другие комбинации позиций по стратификационным признакам).

Вторая типология позволяла осуществить описание *интегральной позиции в пространстве неравенств*, основываясь на обобщенной объективной позиции в социальном пространстве, рассмотренной выше, а также субъективной социальной позиции и легитимности стратификационных порядков (рис. 2).

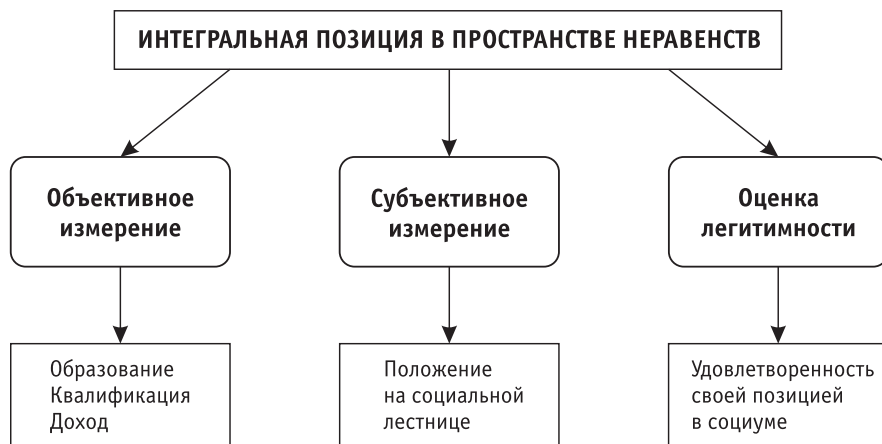

Рис. 2. Измерение интегральной позиции в социальном пространстве

Эта типология также включала четыре категории — высшая, средняя, низкая и несогласованная позиции. Отнесение индивидов к первым трем из них происходило на тех же основаниях, что и в предыдущей классификации. Четвертая категория включала не только тех, у кого положение по всем стратификационным признакам не совпадало, но и тех, кто имел несогласованные позиции в рамках объективного измерения неравенства.

Третья типология фиксировала *обобщенную позицию индивида в системе экономического неравенства*. Классификация индивидов в этом случае повторяла порядок действий, изложенный выше для типологии объективных позиций. Структурные элементы также были аналогичными.

В итоге обобщенная схема стратификационной системы состояла из статусных характеристик трех групп, на основе которых были построены типологии: объективных показателей позиций в социальном пространстве (экономическая, образовательная и квалификационная стратификация), интегральной позиции в социальном пространстве (объективной, субъективной и оценочной) и позиции в системе экономического неравенства (объективной, субъективной и оценочной).

Поколенческие отличия в позициях на шкалах стратификационных признаков

Наиболее используемыми в стратификационном анализе индикаторами остаются те, что отражают обладание индивидами ключевыми социальными ресурсами. Как видно из таблицы 1, за годы независимости произошел ряд изменений в характере их распределения у представителей разных поколений.

Таблица 1

**Поколенческие различия в размещении на осях
ключевых стратификационных признаков, %**

Показатели	Пра- родители	Родите- ли I	Родите- ли II	Дети
<i>Образование</i>				
Начальное, неполное среднее, среднее общее	76,6	50,6	12,5	14,7
Среднее специальное (техникум, колледж, училище)	13,6	34,8	43,1	29,9
Высшее образование (неполное, бакалавр, специалист, магистр, аспирант)	9,8	14,6	44,4	55,4
<i>Квалификация</i>				
Руководители	1,6	3,0	2,6	3,9
Служащие	24,1	32,2	27,9	31,1
Собственники	1,2	7,3	8,6	5,7
Рабочие	43,9	29,6	32,6	32,4
Вне рабочей силы	21,3	12,0	15,9	10,9
Безработные	7,9	15,9	12,4	16,0
<i>Доходы</i>				
Низкие	27,2	33,3	31,8	20,9
Средние	38,5	26,1	34,1	36,6
Высокие	34,3	40,6	34,1	42,5

Наиболее заметные отличия были выявлены в образовательном уровне индивидов. Доля лиц с высшим образованием составляла 9,8% среди прародителей против 44,4% среди родителей II и 14,6% среди родителей I по сравнению с 55,4% среди детей¹. В то же время, существенно сократилось количество тех, кто имел только неполное и полное среднее образование: если среди прародителей этот показатель составлял 76,6%, то среди родителей II — всего 12,5%, тогда как среди родителей I их было 50,6%, а среди детей — 14,7%.

Увеличение количества мест для обучения в вузах после распада СССР обусловило рост доли лиц с высшим образованием в когорте родителей (разница между родителями I и родителями II приближалась к 30%), и на момент достижения ими в 2018–2020 годах возраста прародителей процент имевших высшее образование среди первых оказался заметно большим.

В структуре занятости изменения затронули прежде всего категории собственников и рабочих. Доля лиц, принадлежавших к первым, оказалась самой низкой среди прародителей, составляя всего 1,2%, тогда как среди родителей и детей она значимо не отличалась, колеблясь в пределах от 5,7% до 8,6%. А вот количество рабочих среди прародителей было примерно на 10% больше, чем среди родителей и детей, достигая 43,9%. В наполненности категорий руководителей и служащих поколенческих расхождений не обнаружено.

Изменение иерархии распределения доходов, как и структуры занятий, не затронуло самых высоких ее уровней — доля принадлежащих к верхнему терцилю не имела значимых поколенческих различий. Тем не менее было отмечено уменьшение доли малообеспеченных с 33,3% у родителей I до 20,9% у детей, а также рост доли тех, кто имел средние доходы, с 26,1% у родителей I до 36,6% у

1 Тут и далее в тексте все указанных отличия значимы на уровне $p \leq 0,05$.

детей. Между родителями II и прародителями значимых изменений в расслоении по доходам не наблюдалось.

Несколько модифицировался за годы независимости характер отличий в материальном обеспечении между разными возрастными категориями. В 1995–1997 годах было зафиксировано большее количество лиц со средними доходами среди прародителей по сравнению с родителями I (38,5% против 26,1%), а в 2018–2020 родители II были шире детей представлены среди имевших низкие доходы (31,8% против 20,9% соответственно). То есть несколько более высокая обеспеченность 50-летних по сравнению с 30-летними, отмеченная в 1995–1997 годах, не наблюдалась в 2018–2020, когда у 50-летних, наоборот, доходы оказались несколько ниже, чем у 30-летних.

В целом ровесники независимости занимают самые высокие позиции в образовательной иерархии, и рабочих среди них оказалось меньше всего. У их родителей за 30 лет повысился образовательный уровень, однако распределения остальных показателей ощутимо не изменились. В то же время их образовательный уровень является более высоким, чем у прародителей, и среди них чуть многочисленнее категория собственников.

Наряду с объективными показателями позиции в социальном пространстве ученые часто оперируют ее самооценками. Поколенческие особенности распределений этих показателей отражены в таблице 2.

Таблица 2

Поколенческие различия в самооценках позиций в пространстве неравенств, %

Поколение	Пра-родители	Родители I	Родители II	Дети
<i>Позиция на социальной лестнице</i>				
Низкая (ступеньки 1–2)	52,3	27,7	17,5	13,3
Средняя (ступеньки 3–4)	45,4	68,8	68,1	61,3
Высокая (ступеньки 5–7)	2,3	3,5	14,4	25,4
<i>Оценка материального благосостояния</i>				
Низкое	76,2	67,9	41,3	29,4
Среднее	21,9	27,3	38,0	40,9
Высокое	1,9	4,8	20,7	29,7

С течением времени самооценки позиций в социальном пространстве приобрели более разительные различия, чем показатели объективного социального статуса.

При сравнении положения на ступенях социальной лестницы 30-летних индивидов в 1995–1997 и в 2018–2020 годах было замечено их перераспределение на крайних позициях. Среди родителей I доля лиц на самых низких ступенях составляла 27,7%, а среди детей — всего 13,3%, тогда как на высших ступеньках разместились лишь 3,5% родителей I, а среди детей таких было уже 25,4%.

У 50-летних за указанный период изменения затронули все иерархические уровни показателя. Среди прародителей экстремально высокой оказалась доля принадлежащих к самой низкой ступени (52,3%), на средних и высоких позициях было сосредоточено 45,5% и 2,3% лиц. У родителей II доля тех, кто отнес себя к самым низким ступеням, составляла 17,5%, а на средних и высших оказались 68,1% и 14,4% индивидов.

Что касается возрастных отличий в размещении индивидов на ступеньках социальной лестницы, то общий тренд составляли более высокие самооценки 30-летних: в 2018–2020 годах количество детей на ее вершине было значительно выше, чем количество родителей, а в 1995–1997 годах прародители преимущественно располагались внизу (52,3%), тогда как родители I — посередине (68,8%). Вместе с тем у когорты родителей с течением времени улучшилась самооценка позиции в социальном пространстве: процент лиц на вершине социальной лестницы у родителей II по сравнению с родителями I возрос в четыре раза.

Оценка материального благосостояния за годы независимости также достаточно заметно улучшилась, однако доля тех, кто представляет ее самый низкий уровень, была существенно выше, чем в случае социальной лестницы. Отличия в распределениях этого показателя у разных возрастных групп наблюдались лишь в 2018–2020 годах, когда родители II чаще детей относили себя к малообеспеченным (41,3% по сравнению с 29,4% соответственно). Однако самооценки когорты родителей за период с 1995–1997 до 2018–2020 годов улучшились — родители I по сравнению с родителями II чаще относили себя к среднему (27,3% против 38%) и высокому (4,8% против 20,7%) уровням обеспеченности, и в то же время меньшей оказалась доля тех, кто считал ее уровень низким (67,9% по сравнению с 41,3%).

Таким образом, в целом самооценки позиций населения в социальном пространстве существенно повысились за годы независимости. При этом в 2018–2020 годах характер распределений ответов на вопросы касательно положения на социальной лестнице и собственного материального благополучия изменился. Если для социальной лестницы более половины ответов принадлежали к срединной позиции, то оценки обеспеченности были распродоточены между всеми тремя иерархическими уровнями.

Вместе с показателями объективного и субъективного статуса в системе неравенств одним из важных элементов ее описания служит оценка легитимности характера распределения социальных благ и возможностей. В таблице 3 приведены данные о том, как представители разных поколений воспринимают собственную позицию в обществе и актуальную экономическую ситуацию.

Таблица 3

Поколенческие отличия в оценке легитимности стратификационных порядков, %

Поколение	Пра-родители	Родители I	Родители II	Дети
<i>Удовлетворенность положением в обществе</i>				
Скорее не удовлетворены	66,8	63,7	41,5	31,4
Как удовлетворены, так и нет	24,9	25,5	26,6	32,2
Скорее удовлетворены	8,3	10,8	31,9	36,4
<i>Оценка экономической ситуации</i>				
Низкая оценка [0; 3]	90,5	88,9	66,5	54,8
Средняя оценка [4; 5]	9,1	8,9	24,6	30,5
Высокая оценка [6; 10]	0,4	2,2	8,9	14,7

Удовлетворенность собственным положением в обществе, как и самооценки позиции в социальном пространстве, за почти 30 лет повысились. Среди прародителей она не устраивала 66,8%, тогда как среди родителей II — 41,5%, а устраивала — 8,3% против 31,9%. Так же и от родителей I до детей процент не-

довольных снизился с 63,7% до 31,4%, а удовлетворенных — возрос с 10,8% до 36,4%. Аналогичные изменения произошли за годы независимости в когорте родителей. Вместе с тем распределения значений переменной у 30- и 50-летних значимо не различались ни в 1995–1997 годах, ни в 2018–2020.

Экономическая ситуация как в 1995–1997, так и в 2018–2020 годах не вызвала у населения оптимизма — количество тех, кто дал ей оценки из самого низкого диапазона, колебалось от 54,8% (дети) до 90,5% (прародители). Однако состояние экономики в 2018–2020 годах респонденты считали лучшим, чем в 1995–1997: ощутимо меньшей была доля низких оценок и гораздо большей — средних и высоких. Распределения значений показателя у прародителей и родителей I оказались подобными, а вот у родителей II и детей появились расхождения в доле тех, кому это состояние виделось плохим (66,5% против 54,8% соответственно).

Итак, легитимность системы распределения благ и возможностей за годы независимости повысилась. В 2018–2020 годах существенно выросла доля тех, кого устраивает положение в социуме, оценки состояния экономики также улучшились, хотя не так резко. При этом распределения значений обоих показателей в 1995–1997 годах не имели значимых отличий, тогда как в 2018–2020 родители чаще детей давали низкую оценку экономической ситуации.

Кристаллизация статусов в разных поколениях

Неравное распределение того или иного ресурса часто углубляет расслоение по другим жизненным возможностям. Однако мера согласованности позиций в стратификационных иерархиях может варьировать как во времени, так и среди представителей отдельных социодемографических категорий.

При сопоставлении корреляционных матриц для 7 стратификационных признаков, перекодированных в трехбалльные шкалы (корреляция определена при помощи коэффициента Кендалла τ) и рассчитанных отдельно для каждой из выделенных подвыборок, выявлена значимая прямая связь между парами индикаторов как субъективного статуса индивидов, так и признания легитимности стратификационных порядков. У прародителей, родителей I и родителей II были скоррелированы все показатели места в основных стратификационных иерархиях, а у детей — только образование и квалификация. Для этой пары признаков корреляция оказалась самой сильной во всех возрастных группах (значение коэффициента τ варьировали в пределах [0,410; 0,502]).

В целом существовала корреляция между отдельными измерениями объективных и субъективных статусов, а также оценками легитимности системы распределения, но наборы пар признаков, для которых она была значимой, различались между подвыборками — общим трендом оказалась связь между доходами и оценкой материального благосостояния. Для родителей I и детей наблюдалось чуть меньше пар скоррелированных переменных, чем для прародителей и родителей II.

Отсутствие в корреляционных матрицах переменных, которые были бы не связаны ни с одной другой, подтвердило целесообразность измерения статусной кристаллизации у представителей разных возрастных категорий. В таблице 4 приведены результаты классификации индивидов по согласованности объек-

тивных показателей статуса — образовательного уровня, квалификации и доходов.

Таблица 4

Поколенческие отличия в согласованности объективных показателей позиций в стратификационных иерархиях, %

Поколение	Пра-родители	Родители I	Родители II	Дети
Согласованный низкий статус	41,2	25,7	13,8	5,0
Согласованный средний статус	17,5	38,1	38,9	32,6
Согласованный высокий статус	10,2	10,0	22,2	27,3
Несо согласованный статус	31,1	26,2	25,1	35,1

Согласно полученным данным, доли лиц с несогласованными статусами составляли в разных подвыборках от 25,1% до 35,1%, однако значимых расхождений между ними зафиксировано не было. То есть тенденции к усилению их кристаллизации в украинском обществе не наблюдалось. Однако в 2018–2020 годах несколько изменилось распространение определенных типов комбинаций согласованных параметров: среди них уменьшилась доля низких (с 25,7% у родителей I до 5% у детей и с 41,2% у пра родителей до 13,8% у родителей II) и возросла — высоких (с 10% у родителей I до 27,3% у детей и с 10,2% у пра родителей до 22,2% у родителей II). Аналогично и в когорте родителей в течение 30 лет количество лиц с согласованными низкими статусами сократилось с 25,7% до 13,8%. Как в 1995–1997, так и в 2018–2020 годах среди 50-летних, по сравнению с 30-летними, оставались большими доли лиц с согласованными низкими статусами.

В целом уровень несогласованности объективных индикаторов статусов был умеренным и воспроизводился во времени, однако характер их кристаллизации модифицировался в сторону перераспределения с низких уровней к среднему и высокому. Кроме того, и в 2018–2020, и в 1995–1997 годах сохранялось преобладание доли низких согласованных статусов у 50-летних по сравнению с 30-летними.

Согласованность объективного, субъективного и оценочного измерений позиций в пространстве неравенств оказалась ниже, чем для предыдущей группы показателей, которые представляли только первый из них (табл. 5).

Таблица 5

Поколенческие отличия в согласованности главных измерений неравенства, %

Поколение	Пра-родители	Родители I	Родители II	Дети
Согласованный низкий статус	36,6	25,9	11,0	3,1
Согласованный средний статус	20,8	33,5	27,7	25,8
Согласованный высокий статус	2,2	3,3	18,7	18,7
Несо согласованный статус	40,4	37,3	42,6	52,4

Наибольшая доля несогласованных статусов была зафиксирована у детей (52,4%), однако значимые различия в ее размере существовали лишь между детьми и родителями I. Характер кристаллизации статусов зависел от временного промежутка: в 1995–1997 годах среди 30-летних оказалось больше лиц с согласованным средним статусом, чем среди 50-летних (33,5% родителей I против 20,8% пра родителей), тогда как в 2018–2020 годах среди них отмечалась мень-

шая доля тех, кто имел согласованный низкий статус (3,1% детей против 11% родителей II).

Соответственно, согласованность главных измерений позиций индивидов в пространстве неравенств была чуть ниже, чем в случае индикаторов объективных статусов, но по характеру их согласованности обе группы показателей весьма подобны.

Мера кристаллизации индикаторов, отражающих позицию индивидов в системе экономического неравенства, значимо не различается в подвыборках, а следовательно, не обнаруживает поколенческих отличий. Доля несогласованных позиций едва превышает треть (табл. 6).

Таблица 6

Поколенческие отличия в согласованности показателей позиции в системе экономического неравенства, %

Поколение	Пра-родители	Родители I	Родители II	Дети
Согласованный низкий статус	49,4	44,0	30,4	12,4
Согласованный средний статус	10,6	13,6	25,5	32,2
Согласованный высокий статус	0,0	1,6	10,3	21,2
Несогласованный статус	40,0	40,8	33,8	34,2

Позиции когорты детей в пространстве экономического неравенства гораздо лучше, чем у любых других возрастных когорт: для них наблюдался самый большой процент тех, кто имел согласованный высокий статус (21,2%). Кроме того, в 2018–2020 годах, в отличие от 1995–1997, появились расхождения в положении индивидов в экономической иерархии: количество родителей II на низших позициях было большим (30,4% против 12,4%), а на высших — меньшим (10,3% против 21,2%), чем в случае детей. О позитивных социальных изменениях свидетельствует рост с течением времени доли лиц с согласованным средним (с 13,6% до 25,5%) и высоким (с 1,6% до 10,3%) статусами в когорте родителей.

Таким образом, мера кристаллизации показателей позиции в экономическом пространстве, равно как и индикаторов интегральной позиции в пространстве неравенств, была несколько выше для переменных, отражавших объективные статусы индивидов. При этом, несмотря на воспроизводство тенденции к улучшению положения индивидов в разных видах стратификационных иерархий, именно для показателей экономического статуса позитивные изменения оказались наименее яркими.

Выводы

Осмысление последствий социальных трансформаций, особенно таких масштабных, как смена общественного строя, ныне находится на повестке дня украинской социологии. Одно из направлений такой рефлексии составляет выявление модификаций профилей стратификации.

Алгоритм комплексного измерения социоструктурных изменений за годы независимости должен был отвечать ряду требований, среди которых: корректный выбор эмпирической основы и целевых категорий исследования; фиксация соответствующим инструментарием многомерного характера нера-

венства; урахунок особливостей взаємозв'язів між окремими формами нерівності во часинній динаміці.

Поэтому порівняльне дослідження базувалося на даних, представлених періоди початку розвитку державності та її актуального стану, в межах яких порівнювалася інформація про три покоління — прародителів, батьків (характеристики вимірювалися в двох точках) та дітей — для чого використовувалася комбінація кросс-секційного, когортного та трендового дослідницьких дизайнів. Стратифікаційні профілі індивідів визначалися на основі трьох показників: об'єктивної позиції в соціальному просторі; узагальненої позиції в системі економічної нерівності та інтегральної позиції в просторі нерівностей. Вказані показники представляли собою типології з чотирма категоріями — три узгоджених статуси (високий, середній, низький) та незгоджений статус.

За роки незалежності відбулися певні поколінські зміни в стратифікаційних ієрархіяx. Найяскравіше вони виявилися для представників індивідів про власну позицію в просторі нерівностей та оцінок легітимності їх положення.

Характер кристалізації статусів в 1995–1997 та в 2018–2020 роках відрізняється. Загальним трендом було збільшення частки тих, хто мав узгоджений високий та середній статуси, та зменшення частки тих, у кого статус був низьким, що відслідковувалося для показників об'єктивної, інтегральної та економічної позиції.

Міра кристалізації статусних характеристик виявилася стабільною во часині — відсоток осіб, мавших незгоджений статус, в цілому не мав поколінських відмінностей, що свідчить про збереження змінливості принципів розподілу дефіцитних ресурсів.

Источники

Кон, М.Л., Сломчинський, К., Шобенбах, К. (2007). Вимірювання соціальної стратифікації, особистості та професійної самостійності у соціалістичній Польщі. В: В. Є. Хмелько (ред.), *Соціальні структури і особистість: дослідження Мелвіна Л. Кона і його співпрацівників* (пер. з англ.) (сс. 491–513). Київ: Києво-Могилянська академія.

Левада, Ю. (2001). Покоління ХХ століття: можливості дослідження. *Моніторинг суспільного думки: економічні та соціальні зміни*, 5 (55), 7–14.

Магун, В.С., Руднев, М.Г. (2012). Базові цінності двох поколінь росіян та динаміка їх соціальної детермінації. В: Е.Г. Ясин (ред.), *ХІІ Міжнародна наукова конференція про проблеми розвитку економіки та суспільства* (кн. 3, сс. 87–97). Москва: Вища школа економіки.

Магун, В., Энговатов, М. (2004). Структура та міжпоколінська динаміка життєвих пріоритетів молоді в Росії та Україні: 1985–2001. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 3, 47–65.

Малиш, Л. (2019). Принципи та правила вимірювання структурних нерівностей у соціології. Київ: Києво-Могилянська академія.

Малиш, Л., Виноградов, О. (2010). Освіта як передумова виходу молоді на ринок праці. В: С. Оксамитна, О. Виноградов, Л. Малиш, Т. Марценюк, *Молодь України: від освіти до праці* (сс. 81–103). Київ: Києво-Могилянська академія.

Патракова, А. (2006). Статусні неконсистентності. В: С. Макеев (ред.), *Нові соціальні нерівності* (сс. 270–289). Київ: Інститут соціології НАН України.

Радаев, В. (2020). Миллениалы: Как меняется российское общество. Москва: Высшая школа экономики.

Семенова, В.В. (2001). Дифференциация и консолидация поколений. В: В.Я. Ядов (ред.), *Россия: трансформирующееся общество* (с. 256–271). Москва: КАНОН-пресс-Ц.

Семенова, В.В. (2003). Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение». В: Л.М. Дробизева (ред.), *Россия реформирующаяся: Ежегодник* (с. 213–237). Москва: Институт социологии РАН.

Семенова, В.В., Черныш, М.Ф., Ваньке, А.В. (ред.) (2017). Социальная мобильность в России: поколенческий аспект. Москва: Институт социологии РАН.

Симончук, О. (2018). Соціальні класи в сучасних суспільствах: евристичний потенціал класового аналізу. Київ: Інститут соціології НАН України.

Титма, М.Х. (ред.) (1997). Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве. Москва: Институт социологии РАН.

Филиппов, Ф.Р. (1989). От поколения к поколению: социальная подвижность. Москва: Мысль.

Lenski, G. (1954). Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status. *American Sociological Review*, 19 (4), 405–413.

Получено 17.06.2021

References

Filippov, F.R. (1989). *From Generation to Generation: Social Mobility*. [In Russian]. Moscow: Mysl'. [= Филиппов 1997]

Kohn, M.L., Slomczynski, K.M., Schoenbach, C. (2007). The Measurement of Social Stratification, Personality and Professional Autonomy in Socialist Poland. In: V.Ye. Khmelko (Ed.), *Social Structures and Personality: A Study by Melvin L. Kohn and His Colleagues* (pp. 491–513). [In Ukrainian]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy. [= Кон, Сломчинський, Шюенбах 2019]

Lenski, G. (1954). Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status. *American Sociological Review*, 19 (4), 405–413.

Levada, Yu. (2001). Generations of the 20th Century: Research Opportunities. [In Russian]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change*, 5 (55), 7–14. [= Левада 2001]

Magun, V., Engovatov, M. (2004). The Structure and Intergenerational Dynamics of the Life Aspirations of Young People in Russia and Ukraine: 1985–2001. [In Russian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 3, 47–65. [= Магун, Энговатов 2004]

Magun, V.S., Rudnev, M.G. (2012). Basic Values of Two Generations of Russians and the Dynamics of Their Social Determination. In: E.G. Yasin (Ed.), *XII International Scientific Conference on the Development of Economy and Society* (book 3, pp. 87–97). [In Russian]. Moscow: Vyshcha shkola ekonomiky. [= Магун, Руднев 2012]

Malysh, L. (2019). Principles and Rules of Measurement of Structural Inequalities in Sociology. [In Ukrainian]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy. [= Малиш 2019]

Malysh, L., Vynogradov, O. (2010). Education as a Basis of the Entry of Young People in the Labour market. In: S. Oksamytna, O. Vynogradov, L. Malysh, T. Martsenyuk, *Ukrainian Youth: from Education to Work* (pp. 81–103). [In Ukrainian]. Kyiv: Kyiv-Mohyla Academy. [= Малиш, Виноградов 2010]

Patrakova, A. (2006). Status Inconsistencies. In: S. Makeev (Ed.), *New Social Inequalities* (pp. 270–289). [In Russian]. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Патракова 2006]

Radaev, V. (2020). *Millennials: How Russian Society is Changing*. [In Russian]. Moscow: Vyshcha shkola ekonomiky. [= Радаев 2020]

Semionova, V.V. (2001). Differentiation and Consolidation of Generations. In: V.A. Yadov (Ed.), *Russia is a Society under Transformation* (pp. 256–271). [In Russian]. Moscow: KANON-press-C. [= Семенова 2001]

Semionova, V.V. (2003). Modern Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of “Generation”. In: L.M. Drobizheva (Ed.), *Russia undergoing reforms: Yearbook* (pp. 213–237). [In Russian]. Moscow: Institute of Sociology, RAS. [= Семенова 2003]

Semionova, V.V., Chernysh, M.F., Vanke, A.V. (Eds.) (2017). *Social Mobility in Russia: Generational Aspect*. [In Russian]. Moscow: Institute of Sociology, RAS. [= Семенова, Черныш, Ваньке 2017]

Simonchuk, O. (2018). *Social Classes in Modern Societies: Heuristic Potential of Class Analysis*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Симончук 2018]

Titma, M.H. (Ed.) (1997). *Social Stratification of Age Cohort: Graduates of the 80-s in the Post-Soviet Space*. [In Russian]. Moscow: Institute of Sociology, RAS. [= Титма 1997]

Received 17.06.2021

ЛИНА МАЛИШ

Три покоління українців у стратифікаційних ієрархіях: порівняльна перспектива

У статті аналізуються відмінності у позиціях у стратифікаційних ієрархіях представників різних поколінь. На підставі масивів даних соціологічного моніторингу «Українське суспільство» Інституту соціології НАНУ 1995–1997 та 2018–2020 років було виокремлено чотири підвибірки, які презентують три вікові когорти (прабатьків, батьків (виміряних у двох точках) та дітей). Зіставлення їхніх характеристик уможливило поєднання трьох типів дослідницьких дизайнів (крос-секційного, когортного та трендового).

Вимірювання позицій у просторі нерівностей здійснювалось із застосуванням трьох груп показників (об'єктивних параметрів, суб'єктивного сприйняття та визнання легітимності стратифікаційних порядків). На цій підставі було сконструйовано три типології (об'єктивна, інтегральна та економічна позиція), структурні елементи яких становили узгоджений високий, середній та низький статуси, а також неузгоджений статус.

Було виявлено низку позитивних поколінних змін у розподілах індивідів за основними стратифікаційними ієрархіями. З-поміж трьох груп показників, найпомітнішими вони виявились для сприйняття власної позиції у соціальному просторі та визнання легітимності системи нерівності.

Міра кристалізації статусних характеристик не мала поколінних відмінностей, хоча характер їх узгодження різнився. У сучасному українському суспільстві було відзначено більші частки осіб на вищих щаблях ієрархії і менші — на нижчих.

Ключові слова: порівняльне дослідження; соціальна стратифікація; покоління; кристалізація статусів; стратифікаційна ієрархія

ЛИНА МАЛЫШ

Три поколения украинцев в стратификационных иерархиях: сравнительная перспектива

В статье анализируются различия в позициях в стратификационных иерархиях представителей разных поколений. На основе массивов данных социологического мониторинга «Украинское общество» Института социологии НАНУ за 1995–1997 и 2018–2020 годы были выделены четыре подвыборки, которые представляли три возрастные когорты (прародителей, родителей (измеренных в двух точках) и детей). Сопоставление их характеристик стало возможным благодаря комбинации трех типов исследовательских дизайнов (кросс-секционного, когортного и трендового).

Измерение позиций в пространстве неравенств осуществлялось с помощью трех групп показателей (объективных параметров, субъективного восприятия и признания легитимности стратификационных порядков). На их основе были сконструированы три типологии (объективная, интегральная и экономическая позиция), структурными элементами которых были согласованный высокий, средний и низкий статусы, а также несогласованный статус.

Был выявлен ряд положительных поколенческих изменений в распределениях индивидов по основным стратификационным иерархиям. Из трех групп показателей, наиболее заметными

они оказались для восприятия собственной позиции в социальном пространстве и признания легитимности системы неравенства).

Мера кристаллизации статусных характеристик не имела поколенческих различий, хотя характер их согласования несколько разнился. В современном украинском обществе были отмечены большие доли лиц на высших ступенях иерархий и меньшие — на низших.

Ключевые слова: *сравнительное исследование; социальная стратификация; поколение; кристаллизация статусов; стратификационная иерархия*

LINA MALYSH

Three generations of Ukrainians in stratification hierarchies: a comparative perspective

The article analyzes the differences in positions in the stratification hierarchies of different generations. Based on the data of the sociological survey «Ukrainian Society», conducted by the Institute of Sociology of the NAS of Ukraine in 1995–1997 and 2018–2020, four subsamples which represented three age cohorts (grandparents, parents (measured at two points) and children) were formed. Comparison of their characteristics made by combining three types of research designs (cross-sectional, cohort, and trend).

The measurement of positions in the space of inequalities carried out with three groups of indicators (objective parameters, subjective perception and recognition of the legitimacy of stratification orders). On their basis, three typologies were constructed (objective, integral and economic position), consisting of an agreed high, medium and low status, as well as an inconsistent status.

The study indicated many positive generational changes in the distributions of individuals along the main stratification hierarchies. The most dramatic changes fixed in the people's perception of their social position and recognition of the legitimacy of the inequality system.

There weren't generational differences in status crystallization, although the links between status characteristics differed somewhat. In modern Ukrainian society, a large proportion of people belonged to the higher levels of hierarchies and smaller ones at the lower.

Keywords: *comparative study; social stratification; generation; status crystallization; stratification hierarchy*